

**«ЗВУКОВАЯ ЖИВОПИСЬ» ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОВ ЭДИТ ЛУИЗЫ СИТУЭЛЛ)**

©2016 Водоватова Т.Е., Кеваева М.Н.

ЧОУ ВО «Международный институт рынка», г. Самара, Россия

Статья посвящена проблеме звукосимволизма, которая рассматривается в рамках одного из актуальных направлений современной психолингвистики – лингвопоэтики. Материалом исследования послужили англоязычные поэтические тексты, созданные поэтессой Эдит Луизой Ситуэлл. В статье приводятся результаты фоносемантического анализа текстов произведений, который состоит в установлении связи между возникающими при восприятии текста цветовыми и звуковыми ассоциациями. Таким образом, вскрывается механизм внутренней символики стихотворений.

Ключевые слова: ассоциация, восприятие, звуковой символизм, колороним, фонестема, звуковой образ, поэтический текст.

В настоящее время значительную часть научных исследований составляют работы герменевтического направления. Исследователей привлекает возможность поработать над глубинным содержанием текста, открыть в нем недоступные среднему читателю смыслы, показать свою эрудицию и владение языком символики. Наибольший интерес для такого рода исследований вызывают поэтические тексты, поскольку в отличие от прозы поэзия направлена на максимальную краткость и сжатость слога [2]. Вспомним высказывание французского писателя Гюстава Флобера: «Почему, стараясь как можно более сжато выразить свою мысль, мы неизбежно приходим к тому, что слагаем стихи?» Работая над своим произведением, поэт дает сжатый и во многом условный изобразительный рисунок, в котором намечаются только отдельные, наиболее яркие и существенные для него черты, как бы замещающие собой всю полноту реальности изображаемого, которую слушатель воспроизводит и дополняет в своем художественном воображении. Эти поэтические приемы дают эффект «множественности интерпретаций», характерной для восприятия художественного текста вообще и поэтического в частности [1]. Вот почему анализ сравнительно небольших, по сравнению с прозой, стихотворных текстов

представляет собой широкий простор для авторской догадки и интерпретации.

В качестве материала для исследования фоносемантических особенностей художественного текста нами были выбраны сочинения английской поэтессы Эдит Луизы Ситуэлл (Edith Louisa Sitwell) – яркой представительницы английского имажизма.

Имажизм как новое литературное направление зародилось в Англии в начале XX века и во многом определило ход развития мировой поэзии. Окаменелость привычных поэтических форм на фоне стремительного развития технологий побуждало молодых литераторов искать новые, необычные, более экспрессивные пути самовыражения.

Основным принципом имажистов стал отказ от давних канонов динамизма – так, один из основателей направления Томас Эрнест Хьюм призывал «расшатать каноническую рифму», отказаться от правильных метрических построений. Имажисты «обогатили литературу неожиданными образами, новыми поэтическими формами, широким ритмическим диапазоном, многообразием размеров строфы и строки» [6]. Именно в недрах «Клуба поэтов», в котором наряду с Томасом Хьюмом состояли ведущие имажисты Френсис Флинт и Эзра Паунд, зародились традиции английского белого

стиха и верлибра. Сама Элизабет Ситуэлл так отзывалась о своем решении примкнуть к новому литературному течению: «Когда я только начинала писать, ритм стихов был вялым, слова потеряли силу и образность, ход стиха был настолько предсказуемым, что не было смысла продолжать чтения, вы все знали наперед. Требовалось срочно придумать что-то новое». И поэтессе удалось создать нечто свое, неповторимое: по воспоминаниям современников, она «творила ради звука и цвета, ее поэзия была посвящена высоким идеям Бытия и одновременно была проста и понятна обычным смертным» [9] (*Здесь и далее перевод наш – Т.В., М.К.*).

Произведения Э.Ситуэлл богаты яркими образами – причем яркими не только в фигуральном, но и в буквальном смысле: это и обилие экзотических фруктов (*The Fan*), и грядки разноцветных овощей (*The Aubade*), и пестрое разнообразие актерских масок и цирковых палаток (*The Clown's Houses*). Однако свое исследование мы сосредоточили не на явном выражении цвета, а на подсознательном использовании автором слов с определенным набором фонем для создания особого настроения, передающего глубинный смысл стихотворения. Несложно было разглядеть в тексте «окрашенные» в соответствующие цвета привычные образы (например, в тексте с широкой встречаемостью фонемы [kr], согласно таблице 4. цвето-фонемных соответствий [3], отвечающей за ассоциации с красным цветом, присутствовали ярко-рыжие волосы, отливающие красным, как гребень петуха (*cockscorn-ragged hair*)). Гораздо сложнее было определить соответствие цветовой палитры текста его внутренней интенции, символике и настроения, спрятанных в мельчайших деталях и нюансах повествования.

Анализ 81 стихотворного текста общим объемом 154 326 знаков позволил выделить в творчестве Э. Ситуэлл несколько тематических групп, каждая из которых имеет свои характерные цвета в палитре восприятия.

Первая, наиболее многочисленная группа – это, конечно же, любовная лирика. Большинство из нас при упоминании любви

вспоминает красный и розовый цвета (Ср. «*Девушку в розовом как-то я встретил, Розовым взор мой был затуманен. Она улыбнулась, ей я ответил. Был я улыбкою тайною ранен*» – Б.И.Корнеев (1917)), автор же видит свою любовь в золотистых тонах, возникающих в нашем воображении при помощи повторения фонемных сочетаний [gəʊ], [nd] и [ld]. Золото – символ мужского начала, поэтому возлюбленный в произведениях Ситуэлл выступает либо обладателем золотисторусых волос ('*dire gold of the comet's wind-blown hair*' - *The Web Of Eros*), либо в образе льва с золотисто-огненной шкурой, чье сияние не может убить даже смерть ('*When you are amber dust, - no more a raging fire like the heat of the Sun*' - *Heart And Mind*), и наконец, в образе самого Солнца, беседующего с Луной – символ единения женского и мужского начал ('*Said the Sun to the Moon-'When you are but a lonely white crone,*

And I, a dead King in my golden armour somewhere in a dark wood, Remember only this of our hopeless love' - *Heart And Mind*). Однако наряду с субъективным авторским восприятием любви в золотистых тонах в произведениях также присутствует общепризнанный цвет пылающей страсти – красный ('*The myrrh-lit flame that gave both death and birth*' - *The Web Of Eros*), воплощенный при помощи фонем [æn] и [aɪə].

Для поэзии имажистов свойственно обращение к античной символике. Любовь в античности – смысл существования, воплощение жизни, поэтому неудивительно, что в гамме любовной лирики Э.Ситуэлл прослеживается зеленый цвет – символ надежды, зарождения новой жизни и гармонии. Автор видит в своем возлюбленном воплощение античного божества и в качестве приношения осыпает его фруктами, возлагает на голову влажные от росы ветви ('*I bring you branches green with dew And d fruits that you may crown anew*' – *Interlude*).

Однако любовь – это не только радость наслаждения, это еще и боль разлуки, горечь непонимания и холодный пепел на месте некогда пылающего костра страстей. Вот

почему в любовной лирике английской поэтессы присутствует пласт произведений, написанных в подчеркнуто воздержанной холодно-белой гамме. В этих текстах особенно частотны фонестемы [st], [li], отвечающие за ассоциации с белым цветом, символизирующим не только чистоту и отрешенность от мира, но также и смерть, которая в данном случае может символизировать смерть пылких чувств (*'these tears for joy's bier' – By the Lake*). Тему смерти также символизирует серый цвет (фонестемы [ei], [i:]), создающий подавленное настроение, ощущение тоски, депрессии (*Bells of gray crystal break on each bough – Bells of Gray Crystal*).

Период творчества поэтов-имажистов пришелся на Первую и Вторую мировые войны, что не могло не отразиться на тематике их произведений. *Still Falls The Rain*, положенное на музыку британским композитором Эдвардом Бриттеном, является одним из наиболее известных стихотворений Э.Ситуэлл. В нем отражены размышления о звериной жестокости людей друг к другу на войне и Божьем сострадании. Образ Божественного присутствия передается при помощи фонестемы [lai], ассоциирующейся с фиолетовым цветом – символом Бога, сверхъестественного и мистического начала. В силу своего знатного дворянского происхождения Э.Ситуэлл не пришлось служить на фронте, поэтому в тексте отсутствуют яркие образы взрывов, звуки выстрелов. Стихотворение представляет собой как бы взгляд со стороны: что осталось на поле сражения после боя. Вот почему вместо боевой ярости настроение стихотворения рисуется в серых тонах безнадежности, психологической подавленности, передаваемыми фонестемами серого цвета [rei], [i:].

Другое стихотворение данной тематики – *The Dancers*, также отличается мрачными и унылыми тонами: синий цвет, достигающийся при помощи фонемного сочетания [bl], создает ощущение депрессии. У этого цвета «нет дна», он никогда не кончается, он затягивает в себя, опьяняет, создает предпосылку для глубокого размышления над жизнью; зовет к поиску

смысла, истины. Но при этом не дает ответа в понимании смысла жизни, вгоняет в меланхолию, слабость. Несмотря на то что в стихотворении присутствуют лужи крови на полу, мы не отметили использования красного цвета. Он слишком яркий, будоражащий, тогда как здесь царит полная потеря реальности. В безмятежных танцорах автор, по-видимому, воплотила образ людей своего круга, которые танцевали и развлекались, пока где-то на фронте за их благополучие погибали сотни людей.

Далее в творчестве Э.Ситуэлл можно выделить произведения, в которых прослеживается тема домашнего быта и взаимоотношений в семье. Изучив биографию писательницы, мы видим, что отношения с родителями у нее были весьма сложные. Так, отец заставлял заковывать ее в железную конструкцию для «излечения» болезни позвоночника. Сама Ситуэлл писала, что ее родители «всегда были для нее незнакомцами» [10]. Лучшим другом в детские годы была для писательницы ее гувернантка, Хелен Рутхэм. С ней Ситуэлл не расставалась даже тогда, когда после перенесенных операций по излечению рака Хелен превратилась в инвалида. Девушки вместе переехали в Париж и жили там до смерти Рутхэм в 1938 году.

Тем не менее, несчастное детство не помешало Э.Ситуэлл создать ряд стихотворений, наполненных яркими образами, похожими на впечатления ребенка. Такими образами изобилует *The Lady With The Sewing-Machine*: белое лицо женщины, похожее на циферблат (*face as white as any clock's*), желтое канареечное солнце (*yellow sun shakes like a canary*), пестрая Шотландская шаль и лоскутное одеяло, зеленая петрушка и шпинат, которого дети терпеть не могут. Звуковая палитра текста полностью соответствует контексту. Зеленый оттенок в ней передается путем употребления сочетания [i:n] – *green, Greenwich, meaningless*, желтый – фонемой [əu] – *close, yellow, grow, hoping*, белый – сочетанием [st] – *stands, dusty, stitch* (2). Кроме этого, в звуковой палитре также присутствует фиолетовый цвет, достигаемый использованием сочетания [lai] – *life* (2), *like* (2), который не упоминается в тексте.

Однако этот оттенок удачно дополняет образ описываемой женщины. Фиолетовый цвет предпочитают личности креативные, к которым вполне логично отнести и швей. В психологии этот цвет предполагает сильную привязанность к вещам, людям и образу жизни. Именно по этой причине героиня так боится, что автор вырастет и покинет ее. Идеальная жизнь женщины – покой и тепло под ее лоскутным одеялом. Мы не знаем, занималась ли шитьем мать писательницы, знаем только, что из-за разногласий Ситуэлл даже не приехала на ее похороны в 1937 году. Возможно, в образе женщины со швейной машинкой запечатлен образ гувернантки, а возможно, в нем нашли отражение все те качества, которые писательница желала видеть, но не получала от матери: заботу, добродушную ворчливость, уют, переживание за судьбу своего ребенка.

Следующее близкое по впечатлениям стихотворение – *Aubade*. Среди 429 фонем данного текста хочется отметить широкое использование фонемы [ei] – *Jane (4), crane (2), again (2), brain, rain, flames* и т.д. – характерной для оттенков серого цвета. В средневековье серую одежду носил простой люд, поэтому он считался цветом нищеты и убожества. В данном стихотворении главной героиней является Джейн – скорее всего, служанка, встающая спозаранку на работу. Серый цвет в данном случае очень хорошо отражает ее характер «серой мышки». Как отмечает автор, девушка не склонна выражать вслух свое мнение и вообще здраво рассуждать, полностью поглощенная серой обыденной рутинной (*light will never harden into sight, will never penetrate your brain*).

Другая немаловажная тематическая группа – произведения, посвященные теме Времени и Вечности. В их палитре преобладают приглушенные тона: серый и коричневый. Коричневый – цвет увядания и старости. Автор использует его в стихотворении *Solo for Ear Trumpet* для создания образа старой глухой леди, которая упорно не осознает, что пришел конец света, принимая Трубный звук за баловство уличных мальчишек. Вероятно, под образом старой родственницы автор имела в виду не

конкретного человека, а все светское общество, закоснелое в своих взглядах и не приемлющее никаких перемен. Стихотворение *Four In The Morning* написано преимущественно в серой гамме. Такая ассоциация достигается путем широкого использования фонемы [ei] и соответствует содержанию, поскольку главными героями выступают призраки, а серый цвет, как цвет праха, ассоциируется со смертью, трауром и душой. В серых же красках описывает автор светское общество в *Came The Great Popinjay*. Опять же, серый цвет здесь ассоциируется со смертью, которая прерывает светский праздник, задувая свечу жизни. Также серый – это цвет джентльменов, цвет высшего света, символ безразличия, скуки, холодности, эгоизма, отказа от обязательств, нарциссизма. Это соответствует контексту, где главный герой – автор называет его POPINJAY, что можно перевести как «хлыст, щеголь», – нюхая свою бутоньерку, заходит в некое темное, грязное помещение, где в клетках поют птицы. Вероятно, так автор хотела передать атмосферу светских салонов, причем не внешний блеск и величие, а моральный настрой. Серый цвет в данном случае весьма ярко отражает атмосферу подлости, отгороженности и рутины. На этом коричнево-сером фоне особенно ярко выделяются образы, прерывающие обыденный ход вещей: в *Solo for Ear Trumpet* это повозка, своим бесцеремонным грохотом нарушившая мир и покой глуховатой леди. Образ колесницы в христианстве символизирует церковь как средство передвижения верующих на Небеса, возможно, поэтому при его создании автор использует фонемы [vai] и [lai] (*violent from light to light*), ответственные за ассоциации с фиолетовым цветом – цветом тайны, мистики, духа всемогущего Бога и духовной любви. В *Four In The Morning* серую призрачную пелену разрезает фигура добродушного призрака негра, окрашенная в синий цвет. Главный герой, несмотря на обреченность своего положения, бодр и весел и совсем не похож на классический образ унылого, воющего призрака. В данном случае синий цвет, передаваемый сочетанием [bl] – *blue (2)*,

blown, символ свободы, широты души. Поэтому большая часть стихотворения – это описание путешествия духа негра: соревнуясь в скорости с ветром, он проплывает мимо белого кружева домов, слушает прибой моря, любит военным парадом и теряется на бесконечной дороге в Вечность.

Наконец, последняя тематическая группа в творчестве Э.Ситуэлл – поэзия абсурда. Признанный литературный критик Джон Леманн, в своем труде *A Nest of Tigers: The Sitwells in Their Times* отмечал, что Э. Ситуэлл «имела обыкновение в силу необычайной живости своей фантазии настолько перегружать текст различными символами, что все они смешивались в один яркий и беспорядочный поток» [9]. Палитра таких произведений отличается диким буйством самых разных красок. К примеру, в *Clown's Houses* фоновый анализ выявил окрашенность текста в восемь оттенков – от ярко-красного до мертвенно-бледного. На фоне бумажно-серого унылого неба, белых напудренных лиц и стеклянного душного воздуха ярко выделяются раскрашенные игрушки, звездно-яркие маски (*star-bright masks*), назойливо-зеленая трава (*shrill-green grass*). Содержание поражает обилием экспрессивных образов, которые сменяют друг друга, смешиваясь в безудержном ритме циркового представления. Участники праздничного карнавала, который можно интерпретировать как праздник жизни,

представляются автору актерами, чьи истинные лица прикрыты масками: юные херувимы в масках птиц, неизвестные люди в сияющих масках молодости (*star-bright masks for youth to wear*). Повсюду царят ужимки, фальшь, «обезьянья грация», как метко называет такое поведение автор (*simian grace*). Жонглирующие клоуны сменяются образами пылающего, как глаз демона, солнца (*glowing sun, a demon's eye*), искаженным образом Пьеро в черной маске, танцующим пламенем свечей, которые в конце проглатывает непроницаемая мгла потаенных комнат.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что предлагаемый нами цветовой фоносемантический анализ текста открывает большие возможности для его художественной интерпретации, в том числе и для текстов иной, кроме художественной, лингвистической природы – медийных, политических, научно-популярных и проч. [4; 5; 8; 9]. Символика цвета помогает уловить настроение произведения, увидеть скрытые символы и значений, как следствие, более полно понять интенцию автора. Практическая ценность нашего подхода заключается также в использовании его при художественном переводе: имея на руках таблицу цветových соответствий фоном для исходного и переводимого языков, переводчик сможет создавать тексты, по своему восприятию максимально приближенные к тексту оригинала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Водоватова Т.Е. Инференциальный смысл высказываний с пониженной и повышенной информационной емкостью. Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 32 с.
2. Губанов С.А. Эпитет в творчестве М. Цветаевой: семантический и структурный аспекты. Дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2009. – 234 с.
3. Кебаева М.Н. Звуковая палитра поэтического текста // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/05/45820> (дата обращения: 22.10.2015).
4. Кириллов А.Г. Языковая картина современного американского партийного дискурса // Юбилейная полифония: текстовый аспект. – Самара: ПГСГА, 2012. – С. 84-89.
5. Коломийцева О.Ю. Номинативные поля «терроризм» и «террористы» в газетном дискурсе ФРГ. Автореф. дисс. ... канд филол. наук. – Самара, 2012. – 19 с.
6. Кудрявицкий А. И. Антология имажизма. - М.: Изд-во Прогресс, 2001. – 182 с.
7. Молчкова Л.В. Функционирование генеративных и интерпретативных кодов в тексте // Филологические исследования. – №12 (2). - 2014. – С. 433-436.

8. Строева Ю.Ю. Проблема понимания интертекстуальности научно-популярного дискурса в процессе межкультурной коммуникации // Филологические исследования. - №12 (3). – 2014. – С. 644-647.
9. LEHMAN J. A Nest of Tigers: The Sitwells in Their Times. - Little, Brown [1st American ed.] edition. – 1968. – 295 p.
10. SITWELL E. Avant garde poet, English genius Richard Green. - Hachette Digital London, 2011.- 544 p.

THE POWER OF SOUND IN POETIC TEXT

© Tatiana E. Vodovatova, Maria N. Kevaeva

International Market Institute, Samara, Russia

The paper studies phonosemantic features of the poetic text. The article refers to the important field of modern psycholinguistics – lingvopoetics. The authors consider the phenomenon of sound symbolism and the role of phonemes in creating colourful images. The poems of a popular English poet E.L. Sitwell are taken as material for the analysis. The article contains the results of phonosemantic analysis of 81 Sitwell's poems, which proves the influence of phonetic combinations on the reader's perception of the poetic text.

Keywords: associations, reception, sound symbolism, coloronim, phonesteme, sound image, poetic text.